

института. Мы садились в сани и тесно прижимались друг к другу, чтобы подольше сохранить тепло. Саша дергала вожжи, и лошадь неторопливо пускалась в дальний путь, медленно двигаясь по заснеженным, пустынным улицам мимо трупов ленинградцев.

Светало, когда впереди показывались очертания леса. Девушки распрягали лошадь, привязывали ее к саням, где она могла подкрепиться сеном, а мы, продрогшие и голодные, увязая по колено в снегу, двигались от сосны к сосне, стараясь ломать наиболее охвоенные ветви. Каждый клал свой сбор в мешок и, наполнив, волочил его к саням. А таких мешков требовалось набрать как можно больше.

Среди дня мы делали короткий перерыв на обед. Из ватной стеганки, засунутой глубоко в сено, доставали маленькую кастрюльку с холодной, почти замерзшей кашей, приготовленной из овса, размолотого вместе с шелухой. Этот клейстер с колючками казался нам вкусным, но и его было мало.

В институт возвращались затемно. За все время не было случая, чтобы Саша или Клава отказались от поездок. Они скромно и настойчиво выполняли свой долг перед товарищами и родным городом. Грустно, что А. С. Барулина уже ушла из жизни.

По утрам сосновые ветки распределялись между сотрудниками института, выделенными на эту работу. За день каждый должен был нащипать 800 граммов хвоинок, аккуратно отделив их от обнимающих чешуек, содержащих большое количество вредной для почек смолы. Худенькая, чуть живая профессор В. А. Бриллиант всегда выполняла, а порой и перевыполняла свою норму. Если работа не давалась, она очень тревожилась.

Нащипанная хвоя поступала к Д. И. Шукиной. Та мыла ее и разбивала булыжником, так как толочь в ступках было слишком долго, а механизированная обработка исключалась из-за отсутствия электроэнергии. На выдумку и выдержку Дарьи Ивановны можно было вполне положиться. Она закладывала хвою в подкисленный раствор, фильтровала его и разливала полученный напиток. Как бы ни уставала эта неутомимая женщина, она все делала верно и добросовестно.

Хвойный напиток, которого институт изготавливал ежедневно 500—600 порций по 100—150 граммов каждая, поступал не только своим сотрудникам, но и коллективу Электротехнического института и в одну из воинских частей Балтийского флота. Разработанный нами метод получения витаминного напитка был использован Лесотехни-

ческой академией, Фасовочно-пищевым комбинатом и некоторыми другими предприятиями и учреждениями Ленинграда.

В. С. Соколов, инициатор изготовления витамина С в БИНе, взял на себя труд подвести итог нашей опытно-производственной работы. 2 апреля 1942 года в «Ленинградской правде» появилась его статья «Как обеспечить себя витамином С в зимнее время», а в 1943 году в Лениздате вышла его брошюра на эту же тему.

Таким образом, незаметная на первый взгляд, но очень трудоемкая и самоотверженная работа небольшого коллектива позволила сохранить здоровье и жизнь многим ленинградцам.

Н. Р. Иванов

ГЛАВНАЯ ЗАДАЧА

Всю блокаду в Ленинграде на Исаакиевской площади, в здании Всесоюзного института растениеводства, бережно хранилась уникальная коллекция всех сельскохозяйственных культур земного шара (за исключением тропических). Она насчитывала свыше 200 тысяч образцов, в том числе около 120 тысяч зерновых и зернобобовых культур. Когда в 1939 году академика Н. И. Вавилова спросили, что в институте является наиболее ценным, он назвал именно эту коллекцию и библиотеку, где собрана почти вся литература по растениеводству, выпущенная в XX веке. Этот ответ послужил как бы завещанием той горсточке людей, которая осталась в осажденном Ленинграде, чтобы сохранить научные ценности.

Постановление правительства об эвакуации института вышло в середине августа 1941 года. Однако ценное имущество до окружения города гитлеровскими захватчиками вывезти не удалось. К тому же с наступлением блокады начались невосполнимые потери личного состава института. От осколка снаряда погиб крупный знаток эфирномасличных растений ботаник Е. В. Вульф, от дистрофии умерли младший научный сотрудник по масличным культурам А. Г. Шукин, который хранил дублетную коллекцию арахиса, и Д. С. Иванов, специалист по культуре риса. Агрометеоролог А. Я. Молибога настолько ослаб от голода, что не смог спастись при пожаре дома. От голода умерли С. А. Эгиз, заведующий библиотекой Г. В. Гейнц, специалист по лекарственным растениям Г. К. Крейер и плодовод

П. Н. Богушевский. На Ленинградском фронте смертью храбрых погибли талантливый биохимик М. М. Кургатников и специалисты по плодоводству Г. Г. Тарасенко и А. И. Луес.

Несмотря на большие потери, сотрудники института продолжали самоотверженно исполнять свои повседневные обязанности. Было организовано круглосуточное дежурство по охране научных ценностей и имущества. Около 30 человек жили на казарменном положении. Местная команда МПВО обезвредила до сотни зажигательных бомб, сброшенных фашистскими стервятниками. Начальником объекта был заместитель директора Я. Я. Вирс.

Наибольшее число зажигалок фашисты сбросили вечером 1 октября 1941 года. На крыше здания института возникло пять пылающих очагов. Бойцы противопожарного звена под умелым руководством дежурного научного сотрудника Д. С. Иванова и начальника пожарного звена И. Я. Юрцева быстро обезвредили зажигалки. Директор института академик И. Г. Эйхфельд объявил благодарность всем, кто принимал участие в этой операции. Среди них были Богданов, П. А. Иванова, И. И. Туманов и М. С. Беляева. При ликвидации пожара особо были отмечены действия Голеннищева, Андреева, Г. Г. Тарасенко, Романовой и М. Ф. Волковой, а Юрцев получил денежную премию. Зажигательные бомбы падали на наш институт не один раз и в 1942 году.

Наша главная задача состояла в том, чтобы любой ценой сберечь уникальную коллекцию культурных растений, подготовить ее к эвакуации. Для этого мы отобрали около 20 тысяч образцов семян — по 100 зерен хлебных злаков и по 50—200 семян других культур — и упаковали в 100 мягких посылок по 2 килограмма. Предполагалось, что каждый сотрудник, уезжающий в эвакуацию, возьмет с собой по одному такому пакету. Свыше 100 образцов семян общим весом около 5 тонн упаковали в двойные ящики по 20—50 килограммов.

В конце августа 1941 года Октябрьская железная дорога выделила для эвакуации коллекции вагон «шаланду». Ящики погрузили заранее, чтобы при малейшей возможности переправить их на Урал в Красноуфимск, куда институт получил направление. На «шаланде» было организовано круглосуточное дежурство трех сменных сотрудников. Для предохранения ценнейшего груза от бомбежек и артобстрелов вагон передвигали от станции Сортировочная-Московская до Токсово и обратно, ставя на запасные пути.

Прошло почти полгода, а возможности для отправки груза так и не представилось. Управление дороги приказало забрать ящики из вагона. Но к этому времени большинство сотрудников института эвакуировалось по Ледовой трассе, а люди, оставшиеся для охраны коллекции и имущества, не смогли своими силами перевезти груз в институт. Помогла нам в этом воинская часть. Но вскоре все же удалось вывезти в Красноуфимск около 40 тысяч пакетов с семенами общим весом около полутонны. Подготовкой груза к отправке при слабом освещении фонарей «летучая мышь» круглосуточно руководил Я. Я. Вирс.

В начале 1942 года, после эвакуации института, уполномоченной по хранению коллекции и имущества была назначена К. А. Пантелеева. Председателем местного комитета в те годы был Н. Р. Иванов, секретарем партийной организации Г. Н. Рейтер, секретарем комсомольской организации — Надя Каткова. Институт охраняли В. С. Лехнович, Р. Я. Кордон, О. А. Воскресенская, Е. С. Кильп, П. Н. Петрова, К. Т. Чернянская, Соня Шавлович, комендант дома М. С. Беляева, рабочие А. П. Андреева, М. Е. Бирюкова и А. И. Иванов.

Жизнь сотрудников, оставшихся в блокированном городе, протекала тяжело. В комнате дежурного стоял стол с телефоном, громкоговоритель, за ширмой — две раскладушки, диван и десяток стульев. Ответственные дежурные вели запись состояния помещений, в которых под ключом и сургучной печатью хранилась коллекция. В журнале отмечали время объявления тревог и их отбоев, близкие попадания бомб и снарядов.

Подготовка семян к длительному хранению оказалась весьма трудоемкой. Большая часть коллекции хранилась в коробках из белой жести. В крышке и в стенке были проделаны два круглых отверстия, с внутренней стороны прикрытые тонкими сеточками. Переселившиеся из соседних домов крысы прогрызали сетки и мешочки, поедая семена. Чтобы предотвратить это бедствие, грозившее уничтожением коллекции, мы стали связывать коробки в пачки отверстиями друг к другу. Ставили их между стеллажами и плотно закрывали фанерой или листом жести. Бригада из 10—12 человек ежедневно снимала со стеллажей до 3—4 тысяч коробок.

В первую очередь была обработана коллекция пшеницы, в которой насчитывалось более 20 тысяч коробок, затем рожь, овес, ячмень, кукуруза, просо, сорго, гречиха, горох и другие. В последнюю очередь связывали коробки овощных, технических и кормовых культур. Семена из нера-

зобранных ящиков перекладывали в пустые металлические коробки, которых набралось до 2,5 тысячи. Вся работа проходила в холодных полутемных комнатах с разбитыми стеклами. Раз в неделю комиссия из трех человек осматривала хранилища, закрывала и опечатывала двери.

В одну из апрельских ночей 1942 года, выломав доски в окнах первого этажа, кто-то похитил несколько сот мешочков с семенами основной интродукционной коллекции. В большинстве это были семена, утратившие всхожесть, которые сохранялись как эталон. Пришлось окно забить изнутри и снаружи. Однако был еще один случай нападения на коллекцию, но на этот раз ущерб оказался незначительным. В 1943—1944 годах подобные явления не повторялись.

Важно отметить, что все 900 дней блокады города в институте соблюдался порядок, паники не было, поэтому коллекция почти полностью сохранилась. Правда, в дни интенсивных бомбежек и обстрелов один из сотрудников предложил обезличить коллекцию, сжечь научные рукописи и архивные документы, чтобы ничего не досталось врагу. Но этому малодушию был дан энергичный отпор со стороны коллектива.

В 1943 году под орудийным огнем мы начали пересев скороспелых сортов коллекции в совхозе «Предпортовый» на площади 250 квадратных метров. Всего нами было высеяно около 200 сортов различных культур. Руководили работой младший научный сотрудник П. Н. Петрова и автор этих строк.

В докладе на юбилейной сессии ВАСХНИЛ, посвященной 50-летию советской науки, министр сельского хозяйства СССР В. В. Мацкевич дал высокую оценку работе нашего института за сохранение коллекции. Он подчеркнул, что во Всесоюзном институте растениеводства содержится ценнейший исходный материал для селекционеров всей страны, что сорта, выведенные на базе ленинградских образцов, являются урожайными и высококачественными.

А. Я. Камераз

КАК МЫ СПАСАЛИ МИРОВУЮ КОЛЛЕКЦИЮ КАРТОФЕЛЯ

Всесоюзный институт растениеводства (ВИР) был основан академиком Н. И. Вавиловым и теперь носит его имя. Под руководством этого ученого по научно обоснован-

ному плану в этом учреждении была собрана огромная коллекция мировых растительных ресурсов почти по всем основным возделываемым культурам, в том числе и по картофелю. Образцы высаживали и всесторонне изучали на экспериментальной базе ВИРА «Красный пахарь» (ныне Павловская опытная станция института). К 1941 году коллекция картофеля насчитывала более 6 тысяч образцов и представляла собой почти все селекционные сорта, выведенные в разных странах мира, а также многочисленные образцы различных диких и новых культурных видов, открытых и собранных экспедициями в Латинской Америке.

Для развития картофелеводства в нашей стране эта коллекция имела огромное значение. Все первые урожайные ракоустойчивые сорта картофеля, которые получили широкое распространение в нашей стране (Берлингинг, Пауль Вагнер и др.), были выделены именно из коллекции ВИРА. Многие образцы диких и новых культурных видов, собранные в Центральной и Южной Америке, обладали ценнейшими хозяйственными качествами, которые не были известны у обычных сортов, и представляли большой интерес для использования их как исходного материала в селекционной работе при создании сортов, устойчивых к грибным (в том числе к фитофторозу и раку), бактериальным (например, к черной ножке), вирусным болезням, а также к картофельной нематоде, колорадскому жуку, заморозкам и содержащих повышенное количество сухого вещества — крахмала, белка, витамина С и т. д.

Картофель в Центральной и Южной Америке рос и образовывал клубни в условиях короткого дня. В наших условиях, при длинном световом дне, он рос и цвел, но клубней не давал. Чтобы добиться клубнеобразования, мы искусственно создавали короткий день. Для этого оборудовали фотопериодическую площадку с деревянными рельсами и фанерными кабинами на деревянных колесиках.

В 1941 году на этой площадке, состоящей из 120 кабин, была высажена вся коллекция диких и культурных видов картофеля из Латинской Америки. Для всестороннего изучения, скрещивания и сбора ягод такой же материал был высажен и в полевых условиях. Одновременно в поле выращивали коллекцию селекционных и перспективных ракоустойчивых сортов и большое количество межвидовых гибридов — сеянцев и клубневых репродукций.

Когда грянула война и фашистские войска вступили на территорию Ленинградской области, над мировой коллекцией картофеля, высаженной на экспериментальной базе, нависла угроза. Необходимо было срочно убраться все по-